

Джанні Цюрупа

Miséricorde

Джанні Цюрупа

Miséricorde

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50283839

ISBN 9785449813374

Аннотация

В сборник вошли стихотворные повести «Захария», «Зверьгород», поэма «Джек Грэсс» и цикл стихов «Милосердие». Книга содержит сцены секса и насилия. 18+ Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

ЗАХАРИЯ	5
1	5
2	7
3	8
4	10
5	12
МИЛОСЕРДИЕ	14
О НЕБЕСНЫХ СОЗДАНИЯХ	18
АНГЕЛ ЗАБЛУДИВШИХСЯ	19
АНГЕЛ КОТОВ	21
АНГЕЛ УБЛЮДКОВ	23
ЧЕЛОВЕК В БЕЛОМ	25
МАРИЯ ЕГИПЕТСКАЯ	27
ТВОЙ ОРГАНИЗМ РАБОТАЕТ КАК ЧАСЫ	32
ЗВЕРЬГОРОД	34
1	34
2	36
3	37
4	39
5	41
6	43
7	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Miséricorde

Джанні Цюрупа

© Джанні Цюрупа, 2020

ISBN 978-5-4498-1337-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЗАХАРИЯ ПОВЕСТЬ

1

Привет, Зак, у нас завтра начнется война,
По прогнозам, это на десять дней.
Но прогнозы врут: обещали и в прошлый раз,
А тянулась пять лет.

Вот такие дела, мой заокеанский друг,
Снова связи не будет и планы ко всем чертям.
Говорят, будто последняя в этом году.
Я не верю врунам.

Прогноз показывал утренний артобстрел,
По интенсивности средний... Ты понял, да?
Блин, перенесут утренник у детей.
И тепло пропадет. И вода.

Слушай, Зак, я поною еще, уж прости.
Задолбали – обещали лишь дождь и снег, а не град.
Разве можно дела вести,

Если так?

В общем, Зак, я какое-то время не выйду в сеть,
Я приписан к пехоте, цена на патроны растет.
С кем воюем? А их здесь нет, хоть они уже здесь.
Ну, бывай. Я напишу еще.

2

Эй, Зак, почему ты не отвечаешь, Зак?
Я теперь не дизайнер, друг, я теперь солдат,
Знаешь, кого я убил первой? Свою жену.
А потом детей. Не знаю, как переживу,
Но лучевая болезнь – это очень паршиво, Зак,
Они вам – свой тополь, вы им – томагавк,
А нам досталось по полной, и вот итог...
Зак, я хочу верить, что ты цел, мой друг.

Что страна за океаном еще жива,
Что я поплыву к тебе, встречу в волнах кита,
Руки мои исцелятся от язв, а душа – от боли.
С неба падает пепел, Зак. Мы ушли в подполье —
В прямом смысле, я пишу тебе из подвала...
Так бывает – война протянула руку и нас достала.

Храпит Бодя, наш командир – бывший айтишник,
Парфюмер Тарас тоже храпит, но тише,
Я сейчас допишу письмо, разожгу огонь,
Кину лист туда – вот так говорю с тобой,
Вот такая почта после последних времен.
Эй, Зак, ты меня слышишь? Приём. Приём.

3

Зак, все запреты стерлись, когда пролились небеса
Пламенем и отчаянием. Я слышу детей голоса:
«Папа, так больно, папа!» – но я не хочу их слышать.
Возможно, как ты говоришь, за это воздастся свыше.
Вчера мы попали в засаду, погибли Тарас и Бодя,
Я ухожу лесами. Прошлое не вернется.

Ты бы видел эти деревья, ели огненно-рыжие.
Мне удивительно, что воюют друг с другом выжившие...
Будто армия мертвецов против армии мертвых.
С меня хватит. Я дезертир. Я ухожу болотами.

Была зима, точно помню, была зима, дети собирались
на утренник, купила платье жена, когда передали, что воз-
можны умеренные осадки и бомбы. Я написал тебе, купил
патроны, достал камуфляж из шкафа, ботинки, термобелье.
Я точно помню, была зима, каркало воронье. Теперь я иду
по топи, проваливаясь по колено. Мертвые птицы сыплются
с чугунного неба. Над топью висит ядовито-зеленый туман.

Ладно, хватит, что это я. Как ты там? Я видел твой сон,
я прикладывал его к язвам. Существует мир вне гноя и гря-
зи. Существуют лужайки за домом, цветы, барбекю. Зак, я
не знаю направления, но я иду – ведь правда же, не важно,

в какую идти сторону, чтобы обнять тебя, попытаться жить снова? Ты снись мне почаще, пожалуйста... Прости, что ною и жалуясь.

Зак, я вчера проходил сквозь смрадное пепелище —
Я видел, как в эпицентре танцуют тени погибших,
Как мать обнимает дитя, как держатся за руки парочки,
Как собака, жопу подбрасывая, бежит к хозяину с палочкой.

И все они не из плоти, Зак, все они – сгустки пепла.

Я обошел по краю, меня, конечно, задело,

Но это уже не имеет смысла.

Я иду долиной теней.

Я приду.

Приснись мне.

4

Привет, Зак, вот, урвал минутку, чтобы присниться тебе.

Я сегодня ночую в пустом селе.

Ну, то есть, как – в пустом... Если считать живых,

То тут только я и несколько крыс – видел их

В хлеву, среди раздутых, смердящих туш.

Я уже привык, Зак, и никак к этому не отношусь,

Только избегаю заглядывать в пустые дома.

Ну то есть, как – пустые. Ты понял, да?

Ушел на окраину, занял погреб, снюсь из него —

Тут хотя бы пахнет землей, а не гнильем,

Хотя от меня пованивает далеко не фиалками —

Язвы гниют. Ты не думай, себя мне не жалко,

Я словно выскочил из тела и иду впереди него,

Только осматриваюсь, чтобы в болото не занесло.

Удивительно, Зак, я давно не слышал стрельбы,

Давно не встречал чьи-то следы,

Ни собак, ни людей, ни птиц, ни скота.

Только крысы и я.

Только я.

День за днем – только листьев хруст под моими ногами,

Только сухих веток тревожное грохотанье,

Да еще – этот тихий шепот, с которым падает пепел.

Зак, я тебя прошу, приснись мне.

Сегодня – приснись мне.

5

Теснятся камни, валуны сомкнулись плечом к плечу.
У меня почти не осталось сил – я еле ползу,
Я держусь только за мысль о Заке,
О стране, далекой стране на краю заката.
Я не вижу солнца за тучами пепла и сажи,
Я не знаю, куда садится солнце, но это не важно,
Направление – лишь условность старого мира,
Я иду к тебе, Зак, ползу тесной долиной,
Оставляя последнюю кожу на лезвиях скал.
Голый, кровавый, изнеможенный – таким я стал.
Пора бы вспомнить прошлое, разобрать его по частям,
Переварить заново, и снова слепить себя —
Достаточно сильного, чтоб переплыть океан.
Зак. Зак? Ты там?

Кстати, смешно, я не помню своего имени —
Но ты назовешь меня, стоит только приплыть мне,
И ты скажешь: «Эй, друг, наконец-то, я ждал, я верил».
Я ложусь на спину. Мне предстоит найти другой берег.
Мне нужно содрать с себя последние лоскуты
Волос, кожи, прошлого, моего пути.
Теперь я стану новым и сильным,
Подобающим этому суровому миру.

Я сползаю со скал, погружаюсь в мутную воду.
Плыву, как рыба, отращиваю новую шкуру —
Она прочнее прежней, гладкая, как стальная,
В океане пусто – где же рыбок стаи?
Где светящиеся пятна планктона?

Подплывает кит, открывает рот, выходит Иона.
Говорит: «Здравствуй, Захария,
Памятный Богу».

МИЛОСЕРДИЕ

ЦИКЛ СТИХОТВОРЕНИЙ

Врач почему-то не в белом халате, а в хламиде драной.
Моложе меня, с усталым и просветленным взглядом.
Говорит: «Я не работаю без запроса,
и не обещаю, что будет просто».

Да мне бы просто пластинку «Любви к ближнему», доктор,
Ну и «Смирения», если можно, коробку,
В дозировке ноль-пять, сублингвально,
Чтобы действовало моментально.

«Ну знаешь, – говорит доктор, – так не бывает,
Чтобы любовь с покаянием сублингвально.
Для этого есть методики, наработанные тысячелетиями,
Они вот помогут, а таблетки – так. Ближе к ереси».

Доктор, но я ощущаю себя никому не нужной,
Болит душа, может, хоть помазать снаружи?

Я и пришла для того, чтобы уменьшить боль...
«Это просто, – говорит врач, – помни, что я с тобой.
Боль отступит, – отвечает доктор, поверь мне, милая,
Только несколько раз в день называй меня моим именем».

Рожает молча, будто ей не шестнадцать лет,
Будто не первенец разрывает чрево ее,
Терпит – пришел мой час – словно вокруг не хлеб,
А современный роддом с акушерками и бельем.

Зажмуривается (ревет осел, блеет овца),
Переносится духом через десятки годов —
Махом через отчаяние и надежду креста,
Через свою жизнь, через ее итог.

Муж ее нежно гладит по голове:
Ну не терпи, милая, покричи —
Дева молчит, она рождает за всех,
Кто рожал и кому еще предстоит.

Дева вытуживает из себя больше, чем мир,
Больше, чем вся вселенная, смерть и ад.
Муж, думая, что она погибает, рыдает над ней —
И в это время над хлебом встает звезда,

И миг тишины разрывается криком дитя.
Мария стонет, пытаясь вернуться в себя.

Один чудака выносил под луну холсты,
Смотрел, как причудливо падают на листы
Тени от веток, пробегающих облаков —
Район еще не видал эдаких чудаков.

Чудака считал себя художником, а не психом,
В единстве с лунной замирал он тихо,
Часами смотрел, как меняется лунный пейзаж,
Но пейзаж, нарисованный тенью, хрена продашь.

Поэтому он работал сторожем в детском саду,
Поварихи выдавали ему на кухне еду,
Выпивал – как без этого в наши-то времена,
И ждал, когда станет полной луна.

От месяца, понимаете, не та насыщенность линий,
Где бы еще лунных картин увидеть смогли вы?
Но, конечно, никто не смотрел, крутили пальцами у виска.
Вроде, мирный. Ну, что возьмешь с чудака.

И однажды, когда луна скрылась за крышей дома,

Чудак увидел, что картина готова.

Что линии замерли на его холсте.

Чудак расправил крылья и куда-то там улетел.

Картина осталась лежать под дождем и снегом,

Но линии не тускнели, вечные, словно небо.

О НЕБЕСНЫХ СОЗДАНИЯХ

АНГЕЛ ЗАБЛУДИВШИХСЯ

Я помогаю тем, кто попал в беду.
Кто заблудился в себе, горах и лесу.
Я стою над хануриком в сивушном бреду —
Неусыпную вахту свою несую.

Я баюкаю девочку, едущую в детдом.
Обрубаю жадные лапы мечом своим огненным.
Люди чувствуют, что я стою за плечом.
И называют меня – каждый по-своему.

Чаще всего – мамой. Иногда – «Кто-нибудь»,
«Кто-нибудь, помогите! Защити же меня, хоть кто-то!»
Я наклоняюсь и шепчу на ухо: «Забудь».
Все плохое закончилось, лето – за поворотом.

Я поворачиваю ханурика на левый бок.
Обогреваю замерзших и утираю слезы.
Иногда меня зовут Богом – но я не Бог.
Я лишь помогаю, если страшное происходит.

Над мужиком в луже собственной блевотни,
В душной комнате отчима, на морозе.
Я лишь прошу: «Теперь помоги им Ты.

Кто-нибудь, помоги им». И он приходит.

АНГЕЛ КОТОВ

У меня работа – ну такая себе, конечно,
Остальные в мои годы рангом повыше,
Сын подруги родителей – вообще топ-менеджер,
А я снимаю котов, застрявших на крыше.

А я – на перекрестке, в костюме зеленом, ярком,
Перевожу через дорогу хромую собаку,
Кормлю бездомных щенков и пристраиваю в добрые руки,
Мама говорит, я какой-то у них долбанутый.

Будто есть разница, человек пред тобой, котик ли,
Если никто его не целовал в животик...

Я живу с родителями, мечтаю о волшебной палочке.
Дед говорит: ум свое возьмет, он еще нам покажет.
А мне бы – чтобы для всех голодных хватило каши,
Но засмеют ведь, если кому расскажешь.

Если дрогнет рука мелкого живодеера,
Если щенков не утопят, а найдут для них миску корма,
Если полосатая шпротина обретет свой дом —
Значит, я рядом, я за углом.

Неприметный, нелепый – смешное творю добро.
Да, такая себе работа. Но кто-то должен делать ее.

АНГЕЛ УБЛЮДКОВ

Кто опекает убогих, а кто – котов,
Мне достался больной ублюдок с бейсбольной битой.
Я прохожу меж оскалившихся домов
И окликаю его: «Эй, Бритый!»

Бритый курит, добавляя толику дыма в туман,
Голоса моего слышать не хочет.
Тот, кто следил за ним раньше, ушел по делам
Или просто ушел – и теперь моя очередь.

Мне непросто любить его, как и всех других —
В тюрьмах, автозаках, на следственном эксперименте.
Но я, конечно, справляюсь, я защищаю их,
Если они способны меня услышать.

Бритый еще ничего не сделал, он курит и ждет,
Он плюет сквозь зубы и высмаркивается в пальцы,
Я бы хотел остановить его, но он – свободен, и вот
Жертва выходит во двор, видит Бритого – и теряется.

Я не могу вмешаться, остановить удар,
Подставить свою руку, закрывая девушки голову.
Ее охранник – прозрачные два крыла —

Кричит и мечется, как синица, залетевшая в комнату.

Я отворачиваюсь. Говорю крылатому: «Эй!
Давай покурим, мы здесь бессильны, братишка,
Ты новенький, что ли? Погоди еще сотню лет —
И привыкнешь. Да не смотри ты, тут страшно слишком».

Крылатый рыдает, припав на мое плечо,
Бритый матерится и бьет, и удар каждый
Приходится на его душу. Ей больно и горячо
От крови жертвы, брызнувшей на рубашку.

Когда охранник убитой поднимет огонь ее ввысь,
Когда отвоюют сирены, отголосит соседка,
Я снова окликну Бритого: «Эй, ты, слышь?
Я – единственный, кто будет с тобою еще полвека».

Мне так хочется сдать, уйти пасти голубей,
Не знаю, бабочкам летние расправлять крылья.
Но даже тем, кто нарушил заповедь «Не убей»
Нужен тот, кто в слезы души их верит.

ЧЕЛОВЕК В БЕЛОМ

И опять приходит человек в белом —
Говорит о любви ко всему, под небом.
Говорит поститься, говорит – молиться...
Но я буду плевать извращенцам в лица.
Если кто-то спит со своим полом —
Буду бить камнями и жечь глаголом,
Если кто посмеет молиться иначе —
Отрекаться. Это язычник, значит.
Что ты хочешь от меня, человек в белом?
Я своим занимаюсь праведным делом.
Если встречу сектанта – пинаю смело.
Что тебе еще, человек в белом?!
А слова о любви ко всему живому
Ты втирай, человече, кому другому.

Я не стану каяться, человек в белом.
Буду жить, как наши живали деды.
Поступать по канону – а что такого?
Удалять аморальности пиздецому.

Отвечает в веночке своем терновом,
Что неверно я понимаю Слово.
Что любовь к себе мне затмила очи,
И не отстаёт, и чего-то хочет.
И стоит, как живой, у меня пред глазами,

Хотя точно помню – его мы распяли,
Хотя точно знаю – он умер, паскуда.
Но все лезет со словом своим оттуда.
Он и сам подозрителен, я не скрою.
Он дружил с рыбаками, ел колосья в поле,
Привечал проституток и сборщиков подати.
И никак, почему-то, не упокоится.
Ночь за ночью является, втирает: Ханна!
Есть на свете вещи важнее Храма.

МАРИЯ ЕГИПЕТСКАЯ

Мария отдыхает в Египте.
Мария захлопывает окно,
Запирает номер, всходит на лайнер
Идущий в Иерусалим.
Марии едва восемнадцать,
Мужики слетаются мухами на говно.
Мария никому не отказывается.
Хочет? Да хрен бы с ним.

Она ничего не чувствует,
Изображает страсть.
Ей нравится обстановка —
Роскошь, сладости, алкоголь.
Мария играет развратницу,
Мария любит играть.
Лайнер плывет, волны плещутся за кормой.

С небес на Марию смотрит тетка,
Молится, хочет ее спасти.
Обнять, защитить от жадных взглядов
И потных лап.
Дать той любви, которую ищет Мария —
В разврате и похоти.

Дать дар покаяния, дар молитвы
И жизни дар.

Малыш, замечают соседки, совсем не похож на мать.
У него что-то не то с зубами, и вообще, как бы это сказать,
Как бы сформулировать, чтоб не обидеть нечаянно...

Но.

Вы его видели?

Ах, бедная его мама, ну, иногда такое случается.

Никто, оправдывают ее, в этом не виноват.

Вы посмотрите вокруг – пришли последние времена.

Небо затянуто пеплом, холодно, постоянно трясет.

Странный малыш, конечно, пух еще этот, глаза круглые,
Нос костяной. Ну, пусть растет.

Мама-ящер ложится рядом, дышит на малыша.

Эй, маленький, ты не похож на меня и отца.

Ты появился на границе между жизнью и забвением.

Все рушится, маленький, а мы размножаемся, дети растут.

Мы скоро вымрем, ничего не останется после нас.

Малыш жметя к ней. На маму смотрит немигающий жел-
тый глаз.

Крылья малыша крепнут, кровь не остывает ночами.

И холодное небо зовет:

Прыгай в меня, прыгай, птица.
Давай полетаем.

Как всегда в апреле, все взорвалось зеленым.
Непрозрачными стали в сквере круглые клены.
Осыпалась снегом буйная алыча.
Старуха Маркова ждет врача.

Но длинные выходные – не едет Скорая.
У Марковой сердце бьется скоро так.
Она сосет валидол и ждет молодого брюнета —
Как покойный дед. Но врача почему-то нету.
И сирены не слышать за окном.
Легкий тюль вздымается ветерком,
Задевая листья герани и уши кота Василия.
Танцует пыль на клинке света. Встать, закрыть бы окно —
Но Маркова не осиливает.

Лежит на пружинных подушках, на перине,
на пружинном матрасе
старой кровати. Смотрит на портрет деда – его тоже,
кстати, звали Васей.

Как кота, который останется неизвестно с кем.

Маркова ждет врача, он не едет совсем.

Прошло много времени, часы в другой комнате.

Старуха Маркова ждет Скорую, ничего не происходит,

Только сердце все сильнее считает секунды.

«Вот умру, с кем Васька останется? – думает Маркова. –

Дура я, дура.

Зачем поругалась с дочерью, зачем отвадила внучку?

На что мне эта квартира, помирай теперь в одиночку.

А если Скорая не приедет, а если не придет доктор?

Что ждет меня там? Неужто Петр и Царства ворота?»

Слезы, переполнив Маркову, бегут из глаз по морщинам.

Глянь! Над старухой склонился молодой и красивый муж-

чина.

Брюнет, как покойный Вася, с глазами зелеными, как у ко-
та.

Он в белом... наверно, халате, он спокоен, и где-то там

Далеко, у истоков солнечного луча

Бьют колокола.

Маркова, ты дождалась врача.

Я не танцую – со школы даже не пробую.

На танцполе выгляжу дура дурую.

Из тех, что с грацией робота топчутся у стены.
Я не танцую в реальности – но есть же сны.

Если завтра закончится этот мир или эта жизнь,
Если по краю пропасти мы скользим,
Если аккорды последние звучат с небес —
Почему бы не станцевать? Перед кем робеть?

Сны про последний шаг, про последний взгляд.
Сны, в которых ты выбираешь – остаться или сбежать.
Сны, в которых репетируешь свой переход.
Уходить отсюда, дрожа, или вальсировать – смерть ведет?

Тяжелая длань на талии, в руке рука.
Я боюсь только страха, боюсь потерять Тебя,
Боюсь оступиться перед самой последней чертой.
Станцуем, Господи? Пожалуйста, будь со мной.

ТВОЙ ОРГАНИЗМ РАБОТАЕТ КАК ЧАСЫ

Твой организм работает как часы.

– тик —

Ты ближе до смерти, чем минуту назад,

– так —

Ты не знаешь, придет она тихо как тать в ночи

Или с воплем «А сиги есть?!» выскочит из-за угла.

Можешь бухать и прожить девяносто лет.

Можешь сесть не в тот самолет и не в тот вагон.

Просто есть вещи, что не нам выбирать:

Дата рождения, продолжительность жизни, рост или пол.

Ты не о том думаешь, принимая таблеток горсть,

Пытаясь продлить эти земные дни

Питанием правильным, спортом, а где-нибудь,

Скорее, нигде, время делает

– тик —

И теплой осени надрывная красота,

И строки в книгах, которые не забыть —

Лишь тонкая ниточка, на которой висит душа.

Очень тонкая, и не в твоих руках нить.

И не важно, готов ли ты взглянуть Судие в глаза
Или хочешь мгновение остановить.
Механизм работает, и время делает
— так —
И ровно за этим и начинается жизнь.

ЗВЕРЬГОРОД

сказки для не самых маленьких

1

Каждое утро бумажное солнце выползает на тюлевый небосвод.

Из Нижненорска выходит поезд, в столицу, в Зверьгород, поезд идет.

Блестят вагоны, сверкают реки, холмы округлы, леса густы.

Чух-чух, биу-биу! В вагонах лисята, в вагонах – волчата пушат хвосты.

Топтыгин Миша проверил билеты, Пес проводник предлагает чай.

Хохоцут зверята, играют в карты, соседок лапают невзначай.

За окнами – фермы.

Из сайдинга стены.

Из сетки с колючкой высокий забор.

И свинка Пеппа с малюткой Джорджем встречают поезд, потупив взор.

Лисенок точит булочку с мясом, Баран на ферме точит

рога.

Нет, я не сдамся, нет, я не сдамся, я, травоядный, не дамся врагам.

Я заберу их с собой в Зверьгаллу, где распивают пьянящий мед

Бык-громовержец, Козел-насмешник и одноглазый Кот-стихоплет.

2

«Домик для поросят должен быть крепостью!» —

Написано над воротами фермы,

куда привезли маму Свинку и папу Свина.

Они молоды, держатся друг за друга в кузове грузовика,

Первенец распирает мамы Свинки бока.

– Мне говорили, милая, сюда не пролезут волки.

Посмотри на этот забор из колючей проволоки, посмотри

только!

Мы будем в безопасности: ты, я, поросята наши.

Дом наш будет крепостью, дом – полная чаша!

Мама Свинка устала от долгой дороги,

У нее тонус, у нее отекают и болят ноги.

Мама Свинка любит безопасным простором:

Холмы, перелески, домики, все надежное и простое,

Охрана на вышках по периметру. Доберманов свора.

За усадьбой фермера дымят трубы.

Но что нам те трубы.

Лишь бы волки оставили нас в покое.

3

В лавочке пана Лиса есть все, чего желает душа. Пеппа прижала пятак к витрине и замерла, не дыша. Вот сыр – желтый с большими-большими дырками. Вот банка с сардинками. Вот рис, вот булгур, кус-кус, шоколадки с орехом – на один укус.

Мама протягивает карточку трудодней, пан Лис сверяется с ней.

Пеппа, зажмурившись, вдыхает ароматы масла и специй. Каковы на вкус леденцы, интересно?

– Ваши отруби, ваш комбикорм, биодобавка для поросят. Свинка, отойди от витрины. Лезут к ней, потом всё в слюнях.

Пеппа выбегает на улицу, там первый снег, малышня кувыркается в нем – визг, писк, смех, Пеппа кричит:

– Я придумала! Я знаю игру! Мы сделаем вид, что мы на пиру, вот у меня воображаемый сыр и воображаемый хлеб!

– У меня – конфеты, – подхватывает кролик Бекки. – ух! Хватит на всех!

– У меня, – кричит пони Педро, – газировка, пломбира брикет!

Мама Свинка стоит на пороге, баюкая у груди пакет. В нем отруби, комбикорм, добавка для детей на обед.

Чтоб крепче были их кости, чтоб поросята набирали вес,
нужно кормить мясокостной мукой.

Пеппа не знает, кого она съест.

4

Мама Свинке снится море, луна, песок. Ей тепло и покойно – но вот уткнулся в сосок жадный маленький пяточок. Мама Свинка чувствует, как молоко течёт. Проснуться бы, поудобней устроить бы сосунка... А вот и второй возится у соска...

Но море, тёплое море, волны чуть дышат, шепчут, зовут, мама Свинка плывет, растворяясь – остаться тут, слиться с первозданной ночью, заглянуть звёздам в глаза, мама Свинка плывет, будто стала дельфином она, будто уходит от берега навсегда.

Уже все поросята требуют молока, копошатся с обоих боков, хрюк переходит в хнык.

Мама Свинка выбирается из воды.

По песку, по холму, через горы, как воздух стыл! Я иду, мои малыши, где бы занять мне сил!

Я уже проснулась, уже почти.

Холодно и одиноко. Мама Свинка рыдает в ночи.

Просыпается Пеппа:

– Мамочка, ты о чем?!

Её братья и сёстры – в небе звездном, небе ночном.

Мама Свинка никогда не расскажет детям, как фермер решал, кого оставить, кого забрать, и куда все делись, и как дважды мама Свинка ходила топиться в пруд – первый раз

с Пеппой, второй – с Пеппой и Джорджем, надеясь, что не спасут.

– Спи, радость моя, мне просто приснился сон.

– Я люблю тебя, мамочка!

– И я тебя!

С неба руки тянет поросяток сомн.

...осталось семь.

Кошечка Бетси подтягивает гольфы, поправляет платье, отряхивает бант, подбирает упавший сандалик, бежит, не оглядываясь назад.

По дороге – мимо дома фермера Джо.

Бывает, думает Бетси, сегодня не повезло.

Попросить молока у пани Козы – я побуду с козлятами, они так милы, только, пани Коза, мне бы стакан молока. Нет? Ну, бывает, пока.

Бывает, думает Бетси, что помочь не хотят.

Или не могут – но Бог любит котят.

Попрошу еды у пани Коровки, у пани Овцы – у них должно быть что-то, от молока набухли сосцы. Как было у мамы... Бет трясет головой. Нельзя вспоминать о маме, нельзя возвращаться домой.

Бывает, думает Бетси, мир не очень-то справедлив.

Но осталось семь, еще семь раз впереди!

А когда я, как мама, истрачу последний шанс – я проснусь рядом с ней, и Господь мне за все воздаст. За отраву, подброшенную фермером в наши миски. За машину, сбившую нарядную киску. За мамин прощальный мяв, за жестокость других зверей. Хищная, говорят, тварь, а какой же я хищник – размером как воробей?

Бывает, думает Бетси.

Если вырасту – будет проще и веселей.

6

Мама Свинка надевает на Пеппу шапочку, варежки, шарф.

Рядом Джордж – закутанный по пятак.

Папа растерянно протирает очки, поправляет шляпу.

– Ну что ж, нам пора ехать, ребята.

– Мы пойдем к бабушке Свинке? – спрашивает малышня.

– Да, детки, да.

К бабушке Свинке с папиной стороны.

Вы ее видели в последний раз, когда были совсем малы.

Они с дедушкой ждут вас в огромном цветущем саду:

Там можно бегать, скакать по лужам, петь счастливую ерунду.

Бабушка испечет шоколадный торт.

У! Вы не представляете, как вам повезет!

Это место счастья, свободы и счастья, Джордж!

Ну, отпусти же маму, пойдем.

Дорогая, чего ты ждешь?

Мама Свинка отрывает от себя Джорджа, коротко обнимает Пеппу.

Мы с вами еще встретимся, детки. Увидимся, детки.

Когда за ними закрывается дверь, мама Свинка сползает на пол.

Папа Свин справится. Он сможет. Он очень умен.
Он пройдет заставы, перетащит детишек через забор.
Лесами, тайными тропами – никто не узнает, где он.

А когда Фермер придет за свиньями, чтоб пустить их на ветчину —

Мама Свинка сделает все, чтоб помешать ему.

Чтобы дать еще пять минут форы мужу, Пеппе и Джорджу.

Чтоб не увидеться с ними

Как можно дольше.

7

Они смотрят друг другу в глаза: старый Пес и поджарый Волк. Дышат шумно, вздыблена шерсть, обгорелые кости усеяли фермы двор.

Много, много костей травоядных зверей.

– Это мясо, – говорит Волк, – Дед, это же биологический сор. Мы всегда их ели! Вот ты без мяса прожить бы смог?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.